

Едва ступив на перекладину приставной лестницы, Локк заметил Адама, который невозмутимо поджидал его под балконом. Мальчик не собирался поднимать шум. Поднимаясь шаг за шагом, он прокрутил в голове добрый десяток мыслей: догадки вспыхивали одна за другой, но он тут же их отметал. Сейчас оставалось только одно — затаиться и наблюдать.

У Люциуса не было причин вредить ему, да и в Малфой-мэноре вряд ли нашлись бы враги, жаждущие его смерти прямо здесь и сейчас. Успокоившись, Локк даже позволил себе долю любопытства. Он принялся изучать стоящего внизу человека: выражение лица, одежду, мимолетные жесты — из таких мелочей он привык выстраивать портрет характера.

Однако на этот раз Локк зашел в тупик.

Почему Люциус связался с садовником? Более того, этот садовник явно верховодил в их паре. Неужели дела юного Малфоя в семье и впрямь настолько плохи?

Локк прищурился, украдкой сканируя Адама. Старые льняные сапоги, облепленные грязью, помятая мантия... Постой-ка, она шелковая? Просто грязная до неприличия. Всклоченные короткие волосы, прямые, жесткие брови и он смотрел так, будто мог подчинить любое живое существо. И такой человек — садовник? Если бы Кленьяс, прогуливаясь по саду, не представил его, Локк принял бы Адама за какого-нибудь опального дворянина.

Заметив ярость и бессилие Люциуса, Локк еще раз с интересом оглядел Адама. Может, он из тех мастеров, что предпочитают скрывать свое имя, живя в неизвестности?

Обойдя Адама кругом и игнорируя тревогу Люциуса, Локк спросил в лоб:

— Ты очень силен. Зачем тебе марать руки в саду?

Локк рассудил: перед человеком, который смотрит на тебя как на добычу, лучше играть на опережение. Так проще завоевать расположение. И, к счастью, он не прогадал.

Адам заметил этого необычного мальчишку еще во время их первой встречи. И «случайно» перехватить Люциуса у него получилось лишь потому, что он сам выслеживал Локка. Люциус, в силу возраста, ничего не заподозрил, а Адам и не спешил разуверять его.

Интерес к Локку был лишь частью дела. Настоящая причина его появления оказалась куда весомее.

— Локк, давай представимся еще раз, — Адам посмотрел на племянника так странно, что у того поползли мурашки по спине. Ухмыльнувшись, он добавил: — Я Адам Виктор. Твой дядя.

«Вот оно что».

Локк понимающе кивнул, но тут же напустил на себя недовольный вид:

— Ты серьезно считаешь меня трехлетним ребенком, которого можно так просто обвести вокруг пальца? Ты назвался Виктором, и я должен сразу поверить?

Адам лишь улыбался в ответ, с явным удовольствием разглядывая племянника. Пусть бастард, но он определенно был лучшим кандидатом на роль наследника рода Виктор.

Локк отступил, прячась за спину Люциуса.

— Люциус, прикрой меня. Мне нужно спросить у матушки.

Видя, как Локк, не колеблясь, доверил ему свою безопасность, Люциус почувствовал мимолетное тепло в груди. Но в следующую секунду им овладело раздражение.

— Локк Виктор! Как ты можешь полагаться на первого встречного?

Чувство было сложным: Люциус радовался доверию, но в то же время злился на Локка за его кажущуюся беззащитность.

Локк тем временем достал медальон с портретом госпожи Виктор — у Хэнка был точно такой же — и протараторил:

— Какой же он незнакомец? Мы ведь теперь друзья. К тому же учитель Кори знает, что я ушел с тобой. Если что-то случится, отвечать тебе. За кого мне еще прятаться?

«В этом-то и вся суть, верно?» — подумал Люциус. Его душевный порыв мгновенно испарился под гнетом прагматизма Локка.

«Матушка, а был ли у отца брат по имени Адам Виктор?» — Локк все еще ощущал тень страха перед этой женщиной, и он помрачнел, когда посмотрел на медальон.

— Адам? Тот бастард? — Госпожа Виктор не скрывала презрения, что немало удивило Локка.

Если супруги Виктор приняли его, такого же незаконнорожденного, в качестве наследника, почему они отвергли Адама? Были ли в его собственном случае иные причины? Угрозы учителя? Чувство вины? Нет, исключено. Для госпожи Виктор на первом месте стоял супруг, на втором — величие рода, и лишь затем — малыш Хэнк.

Значит, его догадка была верна.

Вновь взглянув на портрет госпожи Виктор, Локк почувствовал, как в голове прояснилось. Нет вечных врагов, есть вечные интересы. Ради выгоды мачеха готова на время обуздать свою ненависть. Вопрос лишь в том, как долго продлится это перемирие.

«Надо будет при случае забрать такой же медальон у Хэнка. Так будет надежнее», — решил Локк.

— Подними медальон выше, дай мне взглянуть на это позорище рода! — завизжала госпожа Виктор. Локк тут же захлопнул крышку, обрывая крик, пока на шум не сбежались лишние свидетели.

Люциус посмотрел на Адама, и стал менее враждебен. Услышав слово «позорище», он почувствовал странное родство с этим человеком — они оба были изгоями. Садовник внезапно перестал казаться ему таким уж неприятным. Люциус все еще не мог смириться с тем, что этот человек — любовник его матери, но, помявшись, лишь буркнул:

— Считаю, что тебе...

Договорить он не смог. Слово застряло в горле.

Локк осторожно приоткрыл медальон, и из щели тут же посыпались ругательства. Мальчик поспешно защелкнул медальон обратно.

— Видишь? По крайней мере, я доказал, что существую, — Адам неловко потер переносицу и с деланной застенчивостью протянул руку: — Здравствуй, дорогой племянник.

— Привет, — Локк быстро пожал ладонь Адама и снова нырнул за спину Люциуса, не сводя с дяди настороженного взгляда. — Что же ты такого натворил, что матушка так на тебя взъелась?

Он выглядел смятевшимся: Локк мастерски изображал ребенка, который хочет подойти, но боится. Адама этот спектакль не обманул, но Люциус принял всё за чистую монету. Он подбадривающе сжал руку Локка и перевел взгляд на садовника:

— И впрямь, ты что-то сделал?

С Локком Адам был само радушие, но с Люциусом не церемонился. Он демонстративно повертел в пальцах волшебную палочку, нацелив ее на мальчика:

— Кто-то тут обещал быть послушным... Дай-ка вспомнить, кто же это был?

Люциус тут же замолк, до боли сжав руку Локка. Его тело напряглось как струна, но он сумел

сдержаться и не броситься в самоубийственную атаку.

Это Локк вовремя ущипнул его за спину. «Не время лезть на рожон, Люциус».

— Дорогой племянник, наконец-то мы встретились! Идем, не обращай внимания на этого малфоевского борова. Твой дядя покажет тебе, что такое настоящее веселье! — Адам вел себя так, будто не заметил их возни. — Гений семьи Виктор обязан превзойти Малфоев и втоптать их в грязь!

Локк почувствовал, как Люциус окаменел, и мысленно выругался.

Теперь он был окончательно уверен: дядя до глубины души ненавидел оба семейства. И его гнев распространялся на всех без разбору — и на наследника Викторов, пусть и бастарда, и на юного Малфоя, пусть и считавшегося «семейным недоразумением».

Не успели они обменяться и парой фраз, как дядя пустил в ход топорную, но действенную для ребенка провокацию. Если бы Локк был обычным мальчишкой, он бы наверняка потянулся к единственному «родному» человеку.

Но Локк не был обычным. Он крепче перехватил руку Люциуса и твердо произнес:

— Я хочу играть с Люциусом. Он мой друг, и я не позволю никому оскорблять его. Даже тебе, дядя.

Адам на мгновение замер, но затем зашагал дальше, небрежно бросив через плечо:

— Ну, как знаешь. Твоя жизнь — твое дело. Мне-то что.

Локк тащил Люциуса за собой. Несмотря на то что он был на полголовы ниже друга, со стороны казалось, будто старший брат ведет младшего. Люциус попытался было высвободиться — скорее для вида, чем всерьез, — но быстро сдался и покорно пошел следом.

Судьба — странная штука. С кем-то ты с первого взгляда готов вцепиться друг другу в глотку, а к кому-то сразу проникаешься симпатией.

— Спасибо, — едва слышно шепнул Люциус на ухо Локку.

Мальчик опешил. Неужели это была благодарность?

Локк подпер подбородок рукой, погружившись в раздумья. Представить взрослого Люциуса Малфоя, который дрожащим голосом говорит кому-то «спасибо»? От такой картины мир

должен был рухнуть.

К счастью, нынешний Люциус был всего лишь неоперившимся юнцом, высокомерным и холодным, но еще не ставшим тем самым «платиновым лордом». Иначе Локк лишился бы сна от ужаса после такой фразы.

Он усмехнулся и, копируя ту самую манерную, певучую интонацию, которую Люциус возненавидит в будущем, нараспев произнес:

— Это... мой долг.

У Люциуса, еще не привыкшего держать лицо, дернулась щека:

— Локк, почему ты так разговариваешь?

— Пытаюсь скрасить серые будни, — Локк по-стариковски махнул рукой. — Ты, как Малфой, разве не должен любить оперу?

Люциус густо покраснел. На самом деле он ни разу в жизни не слышал оперу, так как же он мог знать, нравится она ему или нет? Но раз это было модным увлечением знати, он не мог ударить в грязь лицом. Вытянув шею, он упрямо заявил:

— Конечно, люблю.

Только румянец выдавал его замешательство.

— В таком случае, тебе должны нравиться и подобные интонации, — парировал Локк.

В фильмах всё семейство Малфоев обожало растягивать слова. Неужели Люциус еще не обзавелся этой привычкой?

Локк пристально смотрел на друга, продолжая идти вперед. Его не было в оригинальной истории, так кем же он стал для этого мира?

— И почему любовь к опере обязывает меня говорить этим странным тоном? — не унимался Люциус.

Локк, чьи мысли окончательно спутались, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Ну... это как с одеждой. Если любишь носить розовое, наверняка любишь и розовые пирожные. Логично же.

— Что? — Даже Адам, шедший впереди, споткнулся от неожиданности и обернулся, в крайнем недоумении глядя на племянника.

Осознав, какую нелепицу сморозил, Локк сконфуженно замахал руками:

— Ой, забудьте. Это я так, к слову пришлось. Не бери в голову.

Адам пожал плечами:

— Тебе бы поменьше говорить о вещах, в которых не уверен.

Это был дельный совет. Локк кивнул — дядя оказался не так уж безнадежен.

Люциус молчал всю оставшуюся дорогу. Локк уже решил, что тот обиделся, когда мальчик вдруг спросил:

— Ты и правда считаешь, что такая манера речи — это хорошо?

Локк на мгновение завис. Неужели знаменитая малфоевская растяжка слов берет начало именно из этого разговора? Ситуация становилась абсурдной до предела. Видя, насколько Люциус серьезен, Локк решил не идти против канона. Сдерживая желание расхохотаться, он торжественно кивнул:

— Да. Это великолепно.

Адам, идущий впереди, беззвучно рассмеялся.

Наблюдая, как Люциус всю дорогу шепотом тренирует певучие интонации, Локк философски рассудил, что это пойдет на пользу им обоим. Немного разрядки не помешает — после бесконечных интриг в Малфой-мэноре он порядком вымотался. Впереди ждали годы борьбы, и если постоянно держать струну натянутой, она рано или поздно лопнет.

Миновав несколько поворотов, они вышли к ветхой лачуге в глубине леса. Пыльные окна, двери в паутине — было ясно, что здесь давно никто не живет.

Адам достал палочку и негромко произнес:

— Скургифай.

В этом и заключалась прелесть магии: просто и практично.

— Заходите. Здесь мы сможем спокойно поговорить.

Локк лишь на мгновение помешкал, а затем, увлекая за собой Люциуса, первым переступил порог.

Если бы Адам хотел причинить ему вред, он бы сделал это еще при встрече. Бежать от него сейчас было бессмысленно, а значит, покорность могла избавить от лишних хлопот. Локк был прагматиком до мозга костей. Его не заботили вопросы гордости — в этом и было его главное отличие от Люциуса и других детей из чистокровных семей.

— Ого, как тут темно, — Локк продолжал играть роль, испуганно прижимаясь к Люциусу.

Он не чувствовал опасности, но если что-то пойдет не так, он всегда сможет прикрыться другом. Сейчас между ними не было той привязанности, которая заставила бы его мучиться угрызениями совести. Использовать того, кого почти не знаешь, куда проще, не так ли?

<http://bllate.org/book/17457/1693569>